

Семья генерала Сверчевского в городе Кирове.

В.С. Жаравин

ведущий архивист отдела использования архивных документов отдела КПСС и общественных организаций КОГБУ «ЦГАКО»

Как-то раз, работая с документами в Государственном архиве Кировской области, я случайно наткнулся на польскую фамилию Сверчевский: в 1941-1942 учебном году в Кировской городской школе № 9 учились Марта и Люцина Сверчевские[1]. Меня это очень заинтересовало, так как я знал о генерале Кароле Сверчевском, легендарном «генерале Вальтере». Тем более, эта фамилия была нетипичной для Кировской области. Дальнейшие поиски показали, что упомянутые в документе Марта и Люцина Сверчевские были дочерьми генерала.

Кароль Сверчевский (1897-1947) вошел в историю как «генерал трех армий». Этнический поляк, он родился в Варшаве и в годы Первой мировой войны эвакуировался с семьей в Казань. В 1916 г. он был призван в Царскую армию. После возвращения, в 1917 г. вступил в Красную гвардию в Москве.

В годы Гражданской войны в России воевал в Красной Армии, а затем связал свою жизнь с военной службой. Тогда же он стал членом большевистской партии. Воевал он, по-видимому, хорошо, поскольку в 1920 г. получил высшую на тот момент награду Советской России — орден Красного Знамени. После окончания военной академии им. М.В. Фрунзе занимал различные командные должности в РККА. В 1936 г. Кароль Сверчевский был направлен в Испанию, где шла гражданская война. Там он командовал сначала 14-й интернациональной бригадой, затем 36-й интернациональной дивизией и 5-м корпусом Республиканской народной армии. В Испании все его знали под псевдонимом «генерал Вальтер». Он участвовал в боях в Кордове, под Мадридом и Сарагосой, подружился с писателем Эрнестом Хемингуэем, который в романе «По ком звонит колокол» назвал Сверчевского «генералом Гользом».

Вернувшись в СССР, Сверчевский обобщил опыт боев в Испании и защитил диссертацию, став кандидатом военных наук. В 1940-1941 гг. он преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе. С началом Великой Отечественной войны Сверчевский был направлен на фронт, командовал 248-й стрелковой дивизией. В боях под Вязьмой, в ноябре 1941 г., при выходе из окружения был ранен и вынесен из окружения солдатами на руках. После выписки из госпиталя был назначен начальником Киевского военного училища, эвакуированного в г. Ачинск Красноярского края.

В 1943 г., когда началось формирование в СССР Войска Польского (польские вооруженные формирования, воевавшие с немцами в составе Красной Армии), Кароль Сверчевский был направлен на эту работу. Он стал организатором 2-й, затем 3-й армии Войска Польского. В декабре 1944 г. был вновь направлен на фронт командующим 2-й польской армией, участвовал в составе 1-го Украинского фронта (которым командовал наш земляк маршал И.С. Конев) в боях на территории Германии и Чехословакии. За участие в боях был награжден орденами Ленина, Суворова 1-й степени, Красного Знамени.

Параллельно с этим, сформированный 21 июля 1944 г. Польский комитет национального освобождения (известный как «Люблинское правительство») присвоил Сверчевскому польское воинское звание генерал брони. Войну он закончил в советском звании генерал-полковника. В ходе знаменитого кремлевского приема 24 мая 1945 г. И.В. Сталин провозгласил отдельный тост «За генерала Сверчевского».

После войны по договоренности советского и польского правительств Кароль Сверчевский был направлен в Польшу, где служил заместителем министра обороны. 28 марта 1947 г., во время инспекционной поездки по восточным военным гарнизонам, был убит украинскими националистами.

В годы социалистической Польши Кароль Сверчевский был национальным героем. В честь его были названы улицы городов и поселков, выпущены почтовые марки и даже денежная купюра в 50 злотых с его портретом. Сейчас отношение к Сверчевскому на родине изменилось: он

стал просто «советским генералом, утверждавшим социализм в Польше». Для россиян он остался одним из полководцев (хотя и не первого ряда) Великой Отечественной войны.

Дочери Кароля Сверчевского постоянно жили в Москве. Как они сами писали, к отцу в Варшаву они ездили в гости, считая, что он там находится в служебной командировке. Когда в Польше в конце 1980-х — начале 1990-х гг. начались нападки на все советское, в т.ч. и на память о генерале Сверчевском, дочери Зоря, Люцина и Марта выступили в защиту отца, написав свои воспоминания о нем. Они были изданы в 1993 г. в Москве небольшим тиражом в 300 экземпляров, поэтому вскоре стали библиографической редкостью. В книге есть страницы о жизни семьи Сверчевских в г. Кирове во время эвакуации, которые мы приводим с небольшими сокращениями:

«Мама ни за что не хотела уезжать из Москвы: война, вроде, не сегодня-завтра кончится, а раз так, то оставаясь в Москве, она чувствовала себя ближе к мужу.

Марта Карловна: «Мама мне рассказывала, что, когда она сказала о своем нежелании трогаться из Москвы, папа ей сказал примерно так: «Уехать вы должны. На войне может случиться всякое, мы можем и сдать Москву. Ты, во-первых, жена генерала, во-вторых, член партии. За тебя за первую возьмутся. И подумай, у нас трое детей...».

Мы уехали из Москвы в конце лета: мама, мы с Зорей, бабушка, тетя Тося с Ирой и тетя Аня с Люциной. Тося осталась в Москве. Поселились в какой-то очень грязной деревне в Луховицком районе...

Прожили мы в этом районе, наверное, месяца полтора, не больше. Вернулись в Москву и вскоре тронулись в Киров почти в том же составе. А поехали мы в Киров потому, что там жила сестра нашего московского соседа, которую звали Анна Афанасьевна»...

Время жизни в Кирове — меньше полугода — было прожито трудно и очень голодно. Не имея на руках денежного аттестата, мама не получала ни денег, ни продовольственного пайка, полагавшегося семьям военнослужащих-фронтовиков. Чтобы купить еду, продавали на рынке вещи или меняли их, чаще всего на картошку...

Зоря Карловна: «Мы поселились у Анны Афанасьевны в полуподвале, сейчас уже не помню ни названия улицы, ни номера дома. На единственной кровати у нее в комнате спала только бабушка, остальные устраивались на ночь, кто как мог: кто на чемоданах, а кто прямо на полу... Куда бы мама не обращалась, будь то военкомат или исполком, в какие бы двери ни стучалась, ее никто не хотел слушать, ей везде отказывали, да еще называли «самозванкой».

Папа прилетел в Киров неожиданно, после госпиталя, проездом в Ачинск, чтобы занять должность начальника Киевского пехотного училища.

Марта Карловна: «В Кирове лежал глубокий снег, была настоящая зима с морозом. Мы с Люциной гуляли во дворе, когда кто-то открыл ворота и во двор въехала черная «эмка». Я даже не сразу узнала папу, так он старо выглядел».

Зоря Карловна: «Шофер, который привез папу, был так поражен, когда увидел, в каких условиях живет семья генерала, что никак не хотел в это поверить: он решил, что генерал ошибся адресом и не туда приехал... Что я хорошо запомнила от тогдашнего приезда, так это как он волновался от того, что должен был сообщить бабушке о гибели Макса[2]. Он подсел к ней на кровать, говорил, что Макс тяжело ранен, что он лежит в госпитале... Пока папа говорил, бабушка его не перебивала, слушала молча. А когда он замолчал, она погладила его по голове и сказала: «Не надо, Кароль, я знаю, что он погиб, я это чувствую...». После отъезда папы бабушка редко вставала с постели, большую часть дня она лежала, отвернувшись к стене, и ни разу больше никто от нее не услышал, чтобы она произнесла имя «Макс». Оживлялась она только с приходом нашей мамы с работы, а мама, приходя, первым делом подсаживалась к ней на постель, и они, сидя рядом, молча выкуривали по папироске...».

Воспользовавшись своим пребыванием в Кирове, папе удалось, во-первых, добиться от городских властей более сносного жилья для семьи и, во-вторых, оставить маме аттестат.

«Зоря Карловна: «Нам дали две комнаты, вернее, две довольно просторных кельи в старом монастыре, который стоял на берегу реки Вятки. Вскоре после отъезда папы, к нам из Москвы приехали наши тетки — тетя Леля и тетя Соня с сыном Женей, моим одноклассником. Нас опять стало девять человек. Взрослые работали, тетя Соня вела свое хозяйство. На нас с Женей, как на самых молодых, была возложена забота о дровах и керосине. За дровами мы, помню, ездили куда-то далеко, чуть ли не за город, а потом их пилили и кололи и за керосином стояли иногда в очереди по

целым дням... Несмотря на папин аттестат, все равно денег не хватало, было голодно и все время хотелось есть...».

Марта Карловна: «В моей памяти Киров связан с непреходящим чувством голода. Когда я сейчас вспоминаю то время, первое, что я вспомнила, - это голод. Мы тогда горько шутили, что каждый день наш обед состоит из трех обязательных блюд: на первое — вода с овсянкой, на второе — овсянка без воды и на третье — вода без овсянки...».

Мама давала всем по куску сахара утром и по куску вечером. Если у кого-нибудь из нас оставался хоть огрызок, мы его складывали в сахарницу; чаще всего сахар оставался у мамы, ей, как она говорила, нравилось «пить чай вприглядку...».

Зоря Карловна: «В Кирове, пока мы там жили, я поступила учиться в медицинское училище, но медсестрой начала работать уже в Ачинске.

В Кирове мы прожили недолго. Как только папа обосновался в Ачинске, он сразу нас туда вызвал, и в конце февраля сорок второго года мы переехали к нему. До Ачинска поездом добирались долго, ехали в переполненном вагоне. Чем ближе подъезжали к Ачинску, тем становилось морознее. Вышли из поезда, а папы нет, стоим вдвоем на перроне в растерянности и не знаем, куда идти. Потом увидели папу, он просто опоздал к поезду...».

Марта Карловна: «Когда папа привез нас к себе домой, первое, что мне бросилось в глаза, это кринка на окне, как выяснилось через минуту — с молоком. Мы выпили молоко с ходу. А когда сели обедать, то после голодного Кирова, мы, видно, с такой жадностью набросились на еду, что папа только смотрел на нас, а сам ничего не ел... По-моему, я тогда видела слезы у него на глазах...»[3].

Таким образом, случайная документальная находка помогла раскрыть еще одну страницу по истории вятско-польских связей.

1 Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-1864. Оп. по личному составу. Д. 230. Л. 9-12.

2 Максим Сверчевский — младший брат Кароля Сверчевского, воевавший в одной дивизии с ним и погибший в ноябре 1941 г.

3 Сверчевская А., Сверчевская З., Сверчевская М. Солдат трех армий. М.: Издательство института всеобщей истории РАН, 1993. С 121-124.

Список иллюстраций:

Иллюстрация 1. Купюра 50 злотых.

Иллюстрация 2. Генерал Кароль Сверчевский.

Опубликовано: Герценка : Вятские записки [Текст] : [12+] : [науч.-попул. альм.] / Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена ; редкол.: С. Н. Будашкина [и др.]. — Киров, 2019. — Вып. 35.

NARODOWY

F U 4865888

BANK POLSKI

50

PIĘDZIESIAT ZŁOTYCH

WARSZAWA, 1 CZERWCA 1986 r.

PREZES

GŁÓWNY SKARBNIK

[Signature]

[Signature]

50

KAROL
SWIERCZEWSKI

F U 4865888

